

сияне» не имели своего характера и что его еще должно формировать, как это делал, например, Петр I, копируя «немецкий, английский характер». «Я никогда не следовал, — пишет Новиков, — правилам тех людей, кои безо всякого исследования внутренних, обольщены будучи некоторыми снаружи блестящими дарованиями иноземцев, не только что чужие земли предпочитают своему отечеству, но еще, ко стыду целой России, и гнушаются своими соотечественниками и думают, что россиянин должен заимствовать у иностранных все, даже и до характера».⁴⁸

Далее Новиков, развивая идею Монтескье о влиянии климата и географических факторов на нравы народов в духе будущих концепций Гердера о самобытном характере национальных культур, писал: «... как будто бы природа, устроившая все вещи с такою премудростию и наделившая все области свойственными климатам их дарованиями и обычаями, столько была несправедлива, что одной России, не дав свойственного народу ее характера, определила ей скитаться по всем областям и занимать клочками разных народов разные обычаи, чтобы из сей смеси составить новый, никакому народу не свойственный характер, а еще наипаче россиянину».⁴⁹

Вопрос о национальном характере является центральным в понимании истории русскими просветителями. Его решение диктовалось насущными потребностями борьбы с крепостным правом и деспотизмом самодержавного правления Екатерины II. После крестьянской войны под руководством Пугачева, когда со всей очевидностью проявился раскол нации и обнаружилась непримиримая враждебность народа к рабству и своим угнетателям, вопрос о национальном характере приобрел остро политический смысл. Вот почему в 1783 г. писатель-просветитель Д. Фонвизин поставил этот вопрос на общественное обсуждение, задав Екатерине II, автору сатирических фельетонов «Были и небылицы», печатавшихся в «Собеседнике любителей российского слова», вопрос: «В чем состоит наш национальный характер?» Возмущенная императрица ответила: «В остром и скором понятии всего, в образцовом послушании».⁵⁰ Ответ выдавал желаемое за действительное. Это понимали не только просветители. Даже дворянский идеолог князь М. Щербатов, прочтя этот ответ, сидя в своем поместье, записал: «Лестно и для нас, деревенских пентюхов, такое объяснение, желательно, чтоб оно было правильно».

Екатерина II, определяя национальный характер, подчеркивала угодные самодержавию его черты — образцовое послушание, смирение. Просветители, опираясь на историю, выдвигали иное понимание национального характера — вольнолюбие, твердость, мятежность. С наибольшей отчетливостью такое толкова-

⁴⁸ Там же, с. 75.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Собеседник любителей российского слова, 1783, ч. III, с. 116.